

уезд. Колупаев вчера (17 апреля) был у него и говорил о том, что 1 мая готовится террор повсеместно против властей; для чего будут применены и метательные снаряды, которые будут привезены и в Курск к 1 мая, но кбм именно — не знает. Колупаев говорил ему, что постановлением исполнительного комитета решено снабдить все провинциальные города метательными снарядами для уничтожения одновременного терроризма. Тот же Колупаев сообщил, что 1 мая предполагается в г. Курск съезд социалистов; при чем конспиративная квартира назначается у него. Попова, отчего он отказывается не может, вследствие давления на него тайного общества, которое, в случае его отказа, может лишить его жизни (л. 208—209). 19 апреля Попов о составе Курского преступного тайного общества показал, что об этом обществе он узнал не больше как год тому назад, но при каких обстоятельствах и от кого сдѣлалось ему известно это общество объяснить не может. В последнее время, сталкиваясь с разными молодыми людьми, он узнал, что в г. Курск в состав этого общества входят из обвиняемых: Лавреніус, Спицын, Майков и Колупаев. Цель этого общества — разрушить существующий в Имперіи порядок и добиться нового какого-то устройства, в смысле экономического. Для достижения этих целей они действуют сообща, но разными путями. Так, из обвиняемых Лавреніус, Спицын и Майков принадлежат к обществу террористов, а Колупаев принадлежит к мирным пропагандистам, которые проводят в сознание народа социалистические идеи путем учения. О привозе метательных снарядов слышал от Александра Колупаева в пятницу, 17 апреля; он же говорил, что 1 мая в Курск предполагается большая сходка членов тайного общества, с целью распределения работ на летнее время. Говорил ли он, Попов, в пятницу, 17 апреля, кому либо из своих гостей, что пора приниматься за дѣло, проснуться, постараться освободить Лавреніуса из тюрьмы, о знакомствѣ своимъ способом „из наших“, общавшейся будто-бы по его, Попова, просьбѣ привезти в Курск метательные снаряды и т. д. — не помнить, так как был в тот вечер сильно выпивши (л. 212—214).

На депроте 28 апреля Попов, противъ показанія крестьянина Балабанова, что 2 или 3 марта он, Попов, говорил Балабанову: „ну, что Балабанов, ты постоянно утверждал, что Царя спасет Провидѣніе Божіе, а нашъ комитетъ что предпринял, то и сдѣлал; комитетъ нашъ сдѣлаетъ много и перевернетъ строй“; и затѣмъ чрезъ нѣсколько дней еще сказалъ Балабанову: „ты, Балабановъ, доносили на меня полиціи, но помни, что нашъ комитетъ пришлетъ письмо и ты будешь убитъ“. Поповъ объяснил, что съ 18 февраля до 18 апреля онъ находился в болѣзненномъ состояніи, а именно *Dellirium tremens*, такъ что, подъ вліяніемъ этой болѣзни, быть можетъ, „либо и говорилъ. Въ 1878 году онъ былъ в болѣзнь и болѣлъ тою же болѣзью. Въ настоящее время чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. Въ показаніяхъ, данныхъ въ періодъ поманутаго выше времени, онъ излагалъ свѣдѣнія подъ вліяніемъ того болѣзненного состоянія, а потому проситъ не придавать имъ особеннаго значенія. 27 же мая Поповъ объяснил, что показанія даны имъ в болѣзненномъ состояніи до 29 апреля включительно, и потому онъ не заключаетъ въ себя истины (л. 349). Свидѣтельствовавшіе обвиняемаго Попова врачи пришли къ заключенію, что онъ давалъ свои показанія хотя, можетъ быть, подъ вліяніемъ пьянства, но не въ бѣлой горячкѣ. Александръ Колупаевъ на допросѣ 11 и 20 мая показалъ, что онъ выѣхалъ изъ г. Курска между 12 и 14 декабря 1880 года, а 19 го того-же декабря прибылъ въ имѣніе Каменку, Новгородсверскаго уѣзда, куда былъ назначенъ приказчикомъ въ лѣсъ. Изъ Каменки никуда не отлучался и въ нему туда никто не пріѣзжалъ. Показаніе Попова о томъ, что будто бы онъ, Колупаевъ, говорилъ Попову о привозѣ в Курск метательныхъ снарядовъ и предполагавшемся избиеніи властей — несправедливо, и могло быть дано Поповымъ вследствие умственного расстройства отъ употребленія рѣвкихъ напитковъ. Найденную при обыскѣ у него, Колупаева, в чемоданѣ брошюру безъ заглавія, онъ въ такомъ же видѣ получилъ въ с. Медвѣтѣ. Обоянскаго уѣзда, отъ уволеннаго изъ 2 класса реальнаго училища сына крестьянина Константина Павленко. Брошюры этой самъ онъ, Колупаевъ, ни разу не прочиталъ, по тому что не могъ понять ея содержаніе, и никому не давалъ ее для чтенія, такъ какъ опасался за ея благонадежность (л. 293—294). Если же Павленко отказывается теперь отъ этой брошюры, то или потому, что забылъ о передачѣ ея ему, или же потому, что легче всего сказать что не давалъ, чѣмъ сказать что далъ, и

припоминать при какихъ обстоятельствахъ это происходило. Если бы онъ, Колупаевъ, былъ социалистъ то легко могъ бы уничтожить отобранную у него книжку, такъ какъ о томъ что его арестуютъ, онъ зналъ до арестованія, и при обыскѣ становымъ приставомъ онъ, Колупаевъ, самъ указалъ на эту книжку, какъ на единственный предметъ, который можетъ быть преступнымъ.

Служившій вмѣстѣ съ Колупаевымъ в имѣніи Каменкѣ мѣщанинъ Яппольскій и жена его Фенія показали, что по полученіи свѣдѣній въ Каменкѣ объ убійствѣ покойнаго ГОСУДАРЯ Колупаевъ сказалъ, что должно быть убили гранатами, что Колупаевъ видимо уклонялся отъ вѣрноподданнической присяги, и что на вопросъ Феніи: за что же убили ГОСУДАРЯ, Колупаевъ сказалъ, что не все же быть Романовымъ Царями, можетъ быть и республика (л. 320 об. и 323).

Сверхъ изложеннаго, для разъясненія настоящаго дѣла, даны свѣдѣнія слѣдующими лицами:

Служащіе въ гостинницѣ Монтрезоръ мѣщане Слезкинъ и Моценко показали, что до выѣзда Лавреніуса въ началѣ Марта этого года въ г. Харьковъ, Майковъ почти ежедневно приходилъ къ Лавреніусу, просиживалъ у него по нѣсколько часовъ и дважды даже ночевалъ; время они проводили больше въ чтеніи книгъ и газетъ; также видѣли, что и обвиняемый Тимофѣевъ заходилъ къ Лавреніусу. Моценко видѣлъ одинъ разъ и Слезкинъ — два или три раза во второй половинѣ февраля.

Крестьянинъ Иванъ Поповъ, — что въ февралѣ, встрѣтивъ съ своимъ знакомымъ дворяниномъ Ивановымъ, узналъ отъ него, что по вечерамъ въ квартирѣ обвиняемаго Попова собираются молодые люди и собираются о составленіи въ г. Курскѣ кружка съ преступною цѣлью. При этой же встрѣчѣ Ивановъ просилъ его содѣйствія для обнаруженія кружка. Зная патриотизмъ Иванова и самъ будучи патриотомъ — крайне заинтересовался этимъ кружкомъ и при содѣйствіи Иванова получилъ возможность быть два раза на сходкахъ въ квартирѣ обвиняемаго Попова. Придя къ несомнѣнному убѣжденію о преступности этого общества, крестьянинъ Поповъ заявилъ о томъ жандармскому начальству и затѣмъ узналъ, что кроме другихъ лицъ, въ составъ общества входятъ обвиняемые Лавреніусъ, Майковъ, Спицынъ и Поповъ. Большимъ авторитетомъ въ этомъ обществѣ пользовался Лавреніусъ, такъ какъ онъ предлагалъ самые серьезные вопросы, а именно: о воспитаніи молодежи въ нравственномъ отношеніи, объ устройствѣ въ г. Курскѣ библиотекъ, о расширеніи круга своего общества вербованіемъ въ него гимназистовъ, семинаристовъ и вообще учащейся молодежи, объ устройствѣ общественной кассы для членовъ своего общества. Обвиняемый Поповъ предлагалъ вопросы о средствахъ общества. Майковъ предлагалъ перевести 5000 экземпляровъ книгъ изъ г. Сумъ и открыть библиотеку публично и предостерегалъ общество отъ шпионовъ, указавъ на двухъ шпионовъ въ Щигровскомъ уѣздѣ. Первая сходка была во второй половинѣ февраля, а вторая чрезъ день. Въ первый разъ Лавреніусъ явился съ Майковымъ и былъ представленъ обществу за полезнаго дѣятеля. Изъ разговора онъ, крестьянинъ Поповъ, понялъ, что Лавреніусъ пріѣхалъ изъ Варшавы и имѣлъ дѣло въ западномъ краѣ въ смыслѣ участія въ тайныхъ кружкахъ. На первой и второй сходкахъ Лавреніусъ ничего не читалъ изъ запрещенныхъ книгъ, но общалъ въслѣдствіе доставить такіе книги обществу. На первой же сходкѣ Лавреніусъ просилъ членовъ общества на слѣдующій день собраться на хорахъ въ Знаменскомъ монастырѣ, для обсужденія какихъ-то важныхъ вопросовъ. Сходка эта, какъ онъ слышалъ отъ Иванова, состоялась, и изъ монастыря ушли въ гостинницу Золотой Якорь (л. 27).

Изъ бывшихъ на первой сходкѣ Анощенко, не утверждая преступной цѣли сходки, подтверждаетъ слова свидѣтеля Попова относительно предлагавшихъ Лавреніусомъ вопросовъ о самообразованіи и другихъ (л. 106).

Кромѣ предложенія на означенной первой сходкѣ вопроса о средствахъ общества, обвиняемый Поповъ 17 апреля бывшимъ у него в гостяхъ сыну священника Сферину, Раздольскому и Иванову, за чаемъ, сказалъ: „пора приниматься за дѣло, проснуться. Первѣе всего постараться освободить изъ заключенія Лавреніуса, съ этою цѣлью надо дѣйствовать на офицеровъ, войти въ тюрьму ему, Попову, доступней, объ остальномъ надо подумать серьезно“. Далѣе говорилъ объ общаніи молодой особы изъ „нашихъ“ привести въ Курскъ метательные снаряды и предстоящей сходкѣ социалистовъ въ числѣ 100 человекъ.

Коллежскій ассесоръ Бунинъ показалъ, что онъ за купленное у Лавреніуса имѣніе далъ задаткомъ три тысячи 1 февраля, три же тысячи 9 февраля и

восемь тысяч 28 февраля. При требованіи этихъ денегъ Лавреніусъ, считая по пальцамъ, говорилъ, что ему сейчасъ же нужны восемь, девять тысяч и т. д. На вопросъ же Бунина, на что же столько денегъ, Лавреніусъ отвѣтилъ, что теперь затрудняется сказать. Кромѣ того, 28 февраля уплативши изъ полученныхъ отъ Бунина денегъ 300 руб. дворянкѣ Цуриковой, не хотѣлъ тогда платить процентовъ на эту сумму денегъ подъ разными предлогами, откладывая уплату ихъ до времени совершенія купчей на проданное имѣніе. При чемъ свидѣній у Лавреніуса молодой человекъ сталъ говорить Цуриковой, что у Лавреніуса все деньги разсчитаны куда и сколько слѣдуетъ, такъ что она должна уступить проценты Лавреніусу, или обождать полученіе ихъ.

Все обвиняемые совершеннолѣтніе, за исключеніемъ Майкова, которому 20 лѣтъ. Михаилъ Тимофѣевъ, Лавреніусъ и Евгений Поповъ дворяне, Николай Лебедевъ сынъ священника и остальные изъ мѣщанъ и крестьянъ. Лавреніусъ состоялъ вольнымъ слушателемъ Варшавскаго университета до 1 января 1881 года. Кромѣ настоящаго дѣла онъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, въ производящемся въ г. Варшавѣ дознанію по обнаруженію тамъ преступной пропаганды (л. 75 об. 175).

Тимофѣевъ исключенъ изъ Петербургскаго университета за участіе въ безпорядкахъ, заключавшихся въ протестѣ университетскаго начальства и высланъ административнымъ порядкомъ на родину (л. 10 и 54) подъ надзоромъ полиціи; Евгений Поповъ, частнымъ повѣреннымъ по дѣламъ, извѣстенъ жандармскому начальству по политической неблагонадежности еще съ 1875 года; Лебедевъ 5-й годъ числится студентомъ высшихъ учебныхъ заведеній, именно: 1 годъ пробылъ въ Варшавскомъ университетѣ, откуда перешелъ въ Петербургскій университетъ, изъ котораго чрезъ годъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, отсюда чрезъ годъ перешелъ на 1 й курсъ по медицинскому факультету въ Харьковскій Императорскій университетъ, чрезъ годъ съ медицинскаго факультета перешелъ на 1 й курсъ юридическаго факультета (т. II л. 9). Майковъ не окончилъ курса въ Курской гимназій, въ 1880 году былъ привлеченъ къ дознанію по обвиненію его въ принадлежності къ противозаконному обществу; — дѣло рѣшено административнымъ порядкомъ и Майковъ отданъ подъ негласный надзоръ полиціи. Спицынъ, крестьянинъ, исключенъ изъ 3 го класса Курской земской учительской школы за нарушеніе установленной дисциплины (л. 128), и Колупаевъ сынъ бывшаго дворового человека, сельскій учитель, постановленіемъ Курскаго губернскаго училищнаго совѣта отъ 14 іюля 1880 года удаленъ отъ должности, безъ лишенія званія учителя, но съ воспрещеніемъ ему педагогической дѣятельности за оскорбительные, въ высшей степени, письменные отзывы о мѣстномъ директорѣ народныхъ училищъ, за неправомерно дерзкое обращеніе къ Курскому губернскому земству, за небрежное исполненіе своихъ обязанностей и самовольное оставленіе должности.

На основаніи всего изложеннаго, найденными у большинства обвиняемыхъ при обыскахъ ихъ книгами, брошюрами, письмами, инструкціями, газетами и т. п. также свидѣтельскими показаніями и несостоятельными объясненіями самихъ обвиняемыхъ, дворяне: Александръ Лавреніусъ, Михаилъ Тимофѣевъ и Евгений Поповъ, студентъ университета Николай Лебедевъ, мѣщанинъ Василій Майковъ, крестьянинъ Алексій Спицынъ и сельскій учитель Александръ Колупаевъ обвиняются въ томъ, что, вступивъ въ тайное социально-революционное общество народнаго освобожденія, согласно дѣламъ общества предпринимали возможныя дѣйствія для того, чтобы, путемъ пропаганды социально-революционныхъ идей среди учащейся молодежи и народа, произвести всеобщую революцію, уничтожить верховную власть ниспровергнуть настоящее правительство и весь государственный строй въ Россіи для замѣны ихъ новыми, съ учрежденіемъ республики, — но не успѣли сдѣлать много въ этомъ направленіи, вследствие обнаруженія ихъ злонамѣренныхъ цѣлей.

За дѣяніе это, предусмотрѣнное 250 ст. улож. о нак. угол. и испр., все означенные обвиняемые преданы военному суду Временнымъ Харьковскимъ Генералъ-Губернаторомъ на основаніи Высочайшаго повѣленія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 8 апрѣля 1879 года за № 76 Г. Харьковъ 12 августа 1881 года. Подлинное подписалъ Помощникъ Военнаго Прокурора *Патокоевъ*.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Говорящая машина Фабера. Эта любопытная машина находится въ настоящее время въ Москвѣ. Изобрѣтенная Фаберомъ въ сороковыхъ годахъ, говорящая машина дано извѣ-